

RICARDVS · III · ANG · REX ·

КЕМ БЫЛ ШЕКСПИРОВСКИЙ РИЧАРД?

Ольга Фукс

В СЕНТЯБРЕ 2012 ГОДА В АНГЛИЙСКОМ ГОРОДЕ ЛЕСТЕР ВО ВРЕМЯ РЕМОНТНЫХ РАБОТ НА АВТОСТОЯНКЕ БЫЛИ ОБНАРУЖЕНЫ ОСТАНКИ МУЖЧИНЫ С СИЛЬНЫМ СКОЛИОЗОМ, ПРОЛЕЖАВШИЕ В ЗЕМЛЕ БОЛЕЕ 500 ЛЕТ. В 1485 ГОДУ ИМЕННО ЗДЕСЬ ШЛО СРАЖЕНИЕ МЕЖДУ ГЕНРИХОМ VII, ОСНОВАТЕЛЕМ ДИНАСТИИ ТЮДОРОВ, И РИЧАРДОМ III – ПОСЛЕДНИМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ ДИНАСТИИ ПЛАНТАГЕНЕТОВ ИЗ ДОМА ЙОРКОВ, ПОСЛЕДНИМ БРИТАНСКИМ МОНАРХОМ, ПАВШИМ В БОЮ, ПРОТОТИПОМ КРОВАВОГО ЗЛОДЕЯ ИЗ ТРАГЕДИИ ШЕКСПИРА.

А

рхеологи высказали предположение, что перед ними не кто иной, как Ричард III. На эту догадку навел не только сколиоз, но и раны затылочной части черепа, ведь король был предательски убит сзади. Предположение переросло в уверенность, когда были получены результаты экспертиз и анализов ДНК. Историк Джон Эшдон-Хилл проследил всю линию прямых потомков отца Ричарда Эдуарда IV, вследствие чего удалось найти живого родственника Ричарда – его внучатого племянника в семнадцатом по-

Восстановленный по костям черепа облик Ричарда III очень похож на его придворные портреты и не оставляет сомнений – женщины вполне могли в него влюбляться.

колени Майкла Ибсена из Канады. Благодаря современным технологиям по костям черепа реконструировали внешний вид монарха. Полученное компьютерное изображение похоже на Ричарда. «Он очень красив», – говорит Филиппа Лангли, член Общества Ричарда III, организовавшая поиски его останков.

Короткая жизнь Ричарда описана неоднократно. Но... Мы говорим «Ричард», подразумевая уродливого горбуна и убийцу. Между тем реальный Ричард сильно отличается от шекспировского персонажа. По свидетельству современников, он никогда не был интриганом и не рвался к власти. Ричард правил всего два года, но успел расширить торговлю, реорганизовать армию, провел ряд популярных в народе реформ (упорядочил судопроизводство, отменил насильственные поборы), укрепил экономику страны.

Самое страшное обвинение Ричарду (и самое трагическое в пьесе Шекспира) – убийство малолетних принцев, сыновей Эдуарда IV. Но улики детоубийства не найдено. Версия о тиране-убийце была выгодна новоиспеченному Тю-

дору, и фальсификация истории пошла полным ходом.

Зачем Шекспиру понадобилось делать тирана-горбуна из вполне приличного по меркам своего времени монарха? С этим вопросом мы обратились к шекспироведу Алексею Бартошевичу:

– Главный противник и победитель Ричарда Ричмонд – из династии Тюдоров. А Шекспир жил при королеве Елизавете, принадлежавшей к этому роду, и разделял официальную тюдоровскую точку зрения. Его хроники – не что иное, как инсценировка официальных документов тюдоровской историографии, книг Холлиншеда. История Холлиншеда включает в себя биографию Ричарда, написанную Томасом Мором, которая вполне укладывалась в официальную концепцию, – основной источник шекспировской пьесы. Но было бы несправедливо обвинять Шекспира в сервильности и подобоострастии по отношению к правящей династии, поскольку «Ричард III» и другие ранние хроники писались, когда еще свежа была память об опасности национальной катастрофы: испанская армада

чуть не захватила Англию, и перед лицом могущественного врага сплотилась английская нация. Позднее, особенно в предгамлетовскую эпоху, Шекспир пересмотрел свои взгляды на историю: «Фальстаф» в «Генрихе IV» не хочет иметь ничего общего с политикой, в «Юлии Цезаре» исторический процесс впервые воспринимается как сила, враждебная человечности. Поэтому ничего удивительного в том, что Шекспир изобразил врага Тюдоров не только злодеем, убийцей, но и уродом, нет.

Есть и другая сторона дела – гипнотизирующая сила искусства. Мы не знаем, существовали ли Ромео и Джульетта, или это просто местная легенда, но раз у Шекспира написано – точно были. Или эльфы из «Сна в летнюю ночь» – историки и фольклористы в XX веке установили, что в доренессансную эпоху эльфов считали опасными существами, готовыми зашекотать человека до смерти. Но Шекспир сделал эльфов прекрасными созданиями, и мы теперь воспринимаем их, как у Шекспира, что бы ни говорили ученые. То же и с Ричардом. Образы, созданные художником, могут быть реальнее, чем люди, существование которых подтверждают сотни документов.

Первым исполнителем роли Ричарда был Бёрбедж, совладелец «Глобуса». Уже в шекспировские времена зарождалась так называемая туристическая индустрия – в частности, на Босвортское поле, где происходило последнее сражение Ричарда, приезжали путешественники, и местный трактирщик, взяв на себя роль гида, показывал им место, где... Бербедж кричал «Коня, полцарства за коня» (в его сознании персонаж и актер слились воедино). Через полтора десятилетия Ричарда – одну из лучших своих ролей – играл Гаррик. Как человек XVIII века, он играл Ричарда злодеем, покушавшимся на святыню общечеловеческого разума, заключенного в самой истории. Затем стоит назвать Эдмуна Кина, который сыграл романтического гения, сверхчеловека. Его романтическое оди-

ЗАЧЕМ ШЕКСПИРУ ПОНАДОБИЛОСЬ ДЕЛАТЬ ТИРАНА-ГОРБУНА ИЗ ВПОЛНЕ ПРИЛИЧНОГО ПО МЕРКАМ СВОЕГО ВРЕМЕНИ МОНАРХА?

ночество сверхчеловека служило эстетическим оправданием его злодеяний – там гений был важнее злодеяния. Далее – Ирвинг: для него важнее всего была психологическая разработка характера в духе викторианских романов.

В XX веке, веке тоталитарных империй, «Ричард III» был очень востребован. Надо в первую очередь вспомнить Лоуренса Оливье, который сыграл Ричарда в 1945 году в театре «Олд Вик». Естественно, у публики возникали прямые ассоциации с фюрером. Пожалуй, самой важной сценой у Оливье, была сцена смерти Ричарда – долгая, жуткая агония. Но в этом Ричарде было такое мужское обаяние, идущее от самого Оливье, что сразу становилось понятно, почему леди Анна, да и другие женщины отдавались ему с такой стремительностью.

Из более поздних я бы назвал Рамаза Чхиквадзе в одном из самых прекрасных спектаклях Роберта Стурра. Его Ричард был вурдалаком в наполеоновской шинели, скорее природным существом, нежели принадлежащим к роду человеческому, жутким, страш-

Ричард Рамаза Чхиквадзе был похож на вурдалака в наполеоновской шинели.

ливал в парке свою собачку, а в это время у него на кухне варились головы его жертв). Из этих трансляций Шер тоже многое почерпнул – например, змеиную скользкую улыбочку, с которой встретил суровый приговор один из убийц.

Я дважды видел его «Ричарда» – действительно гипнотическое зрелище. Его Ричард не ощущал себя человеком, и это давало ему головокружительную свободу. Он уничтожал не себе подобных, а существ другого рода, и потому ему было так легко. Интересно, что в других спектаклях и фильмах Шер казался довольно средним актером, и только эта роль дала ему такой стремительный, мгновенный и единичный взлет. Он очень интеллигентный человек – пишет романы, занимается изобразительным искусством (например, написал портрет своего отца... его же собственным, отца, пеплом). Словом, не без психологических странностей, что для актера, пожалуй, и не плохо.

Не могу не назвать замечательную работу Константина Райкина в спектакле Юрия Бутусова. Они открыли важную для искусства XX века и для современной психологии тему в этой пьесе – тему несчастливого детства. Именно в детстве калеки, которого не хотела знать его мать, лежат истоки ричардовой чудовищности. Отчасти такая трактовка спроецировалась на самого актера, который не раз признавался, что был очень одинок в своей замечательной семье. Самое интересное, что все это есть в пьесе, но никто до Бутусова такой мотив не увидел...

Мы не знаем, в какой степени историческая правда объективна, универсально достоверна, потому что имеем дело не столько с фактами, сколько с их интерпретациями. Как зритель, я предпочитаю знакомиться с историей через искусство.

ным и смешным выродком. Но тот спектакль не был политическим, скорее, он опирался на брехтовские традиции и еще больше на грузинский фольклор.

Из последних поразивших мировой театр Ричардов – Энтони Шер. Он был в меру известен, но Ричард сделал его таким знаменитым, что в английской критике (довольно скупой на похвалы) написали: «Теперь будет что рассказать внукам». К счастью, опубликован дневник «Год короля», который он вел, работая над «Ричардом III», – один из самых увлекательных театроведческих документов. Шер поставил перед собой два вопроса: что значит быть калекой и что значит быть убийцей? Под видом врача-практиканта приходил в медицинские центры, где лечились люди после полиомиелита и прочих несчастий. Больные чувствовали подвох и плохо к нему относились, но у них он перенял особую пластику. Калекам ведь трудно двигаться – и из этой экономии выростала какая-то особая скользкая красота пластики. Также он следил за судебными процессами над серийными убийцами (скажем, один клерк выгу-

WHO WAS SHAKESPEARE'S RICHARD?

Olga Foux

IN SEPTEMBER OF 2012 REMAINS OF A MAN SUFFERING FROM SEVERE SCOLIOSIS WERE DISCOVERED IN THE COURSE OF REPAIR WORK CONDUCTED IN A PARKING LOT IN THE ENGLISH CITY OF LEICESTER; THOSE REMAINS HAVE BEEN IN THE GROUND FOR OVER 500 YEARS. IN 1485, THIS WAS THE SITE OF A BATTLE BETWEEN HENRY VII, FOUNDER OF THE TUDOR DYNASTY, AND RICHARD III, THE LAST REPRESENTATIVE OF THE PLANTAGENET DYNASTY OF THE HOUSE OF YORK, THE LAST BRITISH MONARCH SLAIN IN BATTLE, THE PROTOTYPE OF THE MURDEROUS VILLAIN FROM SHAKESPEARE'S TRAGEDY.

A

rchaeologists speculated that the remains are of none other than Richard III. They were led to this conjecture not only by scoliosis, but also by the wound in the occipital part of the skull, for the king was killed traitorously from behind. This speculation became a certainty, when the results of expert examinations and DNA analyses were received. Historian John Ashdown-Hill traced the entire line of direct descendants of Yorks, which made it possible to find Richard's living relative - Michael Ibsen, his seventeenth generation great nephew from Canada. The resulting computer image looks like Richard. "He is very handsome," says Philippa Langley, member of the Richard III Society, who organized the search for his remains.

Richard's short life was written about numerous times. However... When we say "Richard", we have in mind a deformed hunchback and a murderer. The real Richard, meanwhile, is significantly different from Shakespeare's character. According to his contemporaries, he was never a schemer nor did he crave power. Richard's reign lasted for only two years, but he managed to expand trade, reorganize the army, conducted a number of reforms that were popular with the people (regulated judicial proceedings, abolished forced taxation), strengthened the country's economy.

The most terrible accusation thrown at Richard (and the most tragic one in Shakespeare's play) is the murder of young princes, sons of Edward IV. Yet no evidence of infanticide was found. The story of a murdering tyrant was of a benefit to the newly-minted Tudor, and falsification of history took off at full speed.

Why did Shakespeare need to turn a quite decent, by the standards of his time, monarch into a hunchback tyrant? We took this question to Shakespeare scholar Alexei Bartoshevich:

"Richard's primary adversary and his vanquisher was Richmond, from the Tudor dynasty. And Shakespeare lived under Queen Elizabeth, who belonged to the Tudor family, and he shared the official Tudor point of view. His chronicles are

nothing more than a dramatization of the official documents of Tudor historiography, books by Hall and Hollingshed. Hollingshed's history includes the complete biography of Thomas More, which fit the official theory - the main source for Shakespeare's play - quite well. But it would have been unfair to accuse Shakespeare of servility with regard to the ruling dynasty, since "Richard III" and other early chronicles were written at a time when the memory of the danger of national catastrophe was still fresh on everyone's mind: the Spanish Armada nearly captured England,

Konstantin Raikin and Yuri Butusov discovered the very important for the 20th century art theme of unhappy childhood.

and the English nation came together in the face of a powerful enemy. Later, especially during the pre-Hamlet era, Shakespeare reconsidered his view of history: Falstaff in "Henry IV" doesn't wish to have anything to do with politics, in "Julius Caesar" historical process is viewed for the first time as a force hostile to humanity. That is why there is nothing surprising in the fact that Shakespeare portrayed an enemy of the Tudors as not merely a villain and a murderer, but as a freak as well.

There is also another side to this - the hypnotizing power of art. We do not know whether Romeo and Juliet existed or whether it was simply a local legend, but since Shakespeare wrote it, they must have existed. The same goes for Richard. Characters created by an artist can be more real than people, whose existence is supported by hundreds of documents.

The first actor to play the part of Richard was Burbage, the owner of the company that we now call Shakespeare company. The so-called tourist industry was already emerging in Shakespeare's

Photo by Igor Zakharin

THE MOST TERRIBLE
ACCUSATION THROWN
AT RICHARD (AND THE
MOST TRAGIC ONE IN
SHAKESPEARE'S PLAY) IS THE
MURDER OF YOUNG PRINCES,
SONS OF EDWARD IV.

time - in particular, travelers would come to visit Bosworth Field, where Richard's final battle took place, and a local inn-keeper, who took upon himself the role of a guide, would show them the place where... Burbage would cry out "A horse, a horse, my kingdom for a horse!" (in his mind the character and the actor became one). One hundred fifty years later Richard was played by Garrick - one of his best performances. As a man of the 18th century he portrayed Richard as a villain, who

encroached upon the holy shrine of human consciousness, enclosed within the story itself. Next we should name Edmund Kean, who portrayed Richard as a romantic genius, a superman. His romantic solitude of a superman served as an aesthetic justification for his villainous acts - genius there was more important than villainy. Next comes Irving: he was more interested in psychological development of the character in the manner of Victorian novels.

In the 20th century, the century of totalitarian empires, "Richard III" was very much in demand. First and foremost we need to remember Laurence Olivier, who played Richard in 1945 at the Old Vic theatre. Naturally the audience was drawing direct associations with the Fuhrer. Perhaps the most important scene in Olivier's performance was the scene of Richard's death - a long, terrifying agony. Yet that Richard had such masculine charm exuded by Olivier himself that it was immediately clear why Lady Anne and other women as well gave themselves up to him so readily.

Richard made Anthony Sher so famous that English critics (so chary of praise) wrote: "This was something to tell our grandchildren."

little dog out for a walk in the park, while the heads of his victims were cooking in his kitchen). Sher drew a lot from those broadcasts as well - the venomous, slippery smirk, for instance, that he saw on the face of one of the killers as the latter was given his harsh sentence.

I saw his "Richard" twice - it is truly a hypnotic spectacle. His Richard didn't feel himself to be human, and that gave him a dizzying sense of freedom. He was not destroying those of his own kind, but creatures of a different genus altogether, and that is why it was so easy for him. Interestingly enough, in other productions and movies Sher was a rather mediocre actor, and it was only this role that gave him such a swift, instant and singular rise. He is a very cultured man - he writes novels, engages in fine arts (he painted a portrait of his father, for instance... with his father's own ashes). He is not without a certain measure of psychological eccentricities, in other words, which, for an actor, may not necessarily be a bad thing.

I cannot ignore the wonderful work of Konstantin Raikin in Yuri Butusov's production. They discovered a theme in this play that was very important for the 20th century art and for modern psychology - the theme of unhappy childhood. It was in the childhood of the cripple, whose own mother did not want to have anything to do with him, that lie the origins of Richard's heinousness. This interpretation was partly projected onto the actor himself, who often admitted that he was very lonely in his remarkable family. The most interesting thing about this play is that nobody saw that theme prior to Butusov...

We do not know how objective historical truth is, how universally credible, because what we are dealing with are not so much facts as their interpretations. As a spectator I prefer getting to know it through art."

Among his later performers I would name Ramaz Chkhikvadze in one of Robert Sturua's most magnificent productions. His Richard was a ghoul in Napoleonic greatcoat, a creature of nature rather than someone belonging to the human kind, a terrifying, scary and laughable monster. Yet that production was not political, rather it was based upon the traditions of Brecht and even more so upon Georgian folklore.

One of the latest Richards to have dazzled world theatre was Anthony Sher. He was fairly known, but Richard made him so famous that English critics (so chary of praise) wrote: "This was something to tell our grandchildren." Thankfully, his diary "Year of the King", which he kept while working on "Richard III" - one of the most fascinating documents on theatre study - was published. Sher set out to answer two questions: what does it mean to be a cripple and what does it mean to be a murderer? He would pretend to be a medical apprentice and go to medical centers, where people suffering from poliomyelitis and other afflictions were undergoing treatment. Patients suspected a catch and received him poorly, but he adopted from them a special kind of plasticity. Cripples have a hard time moving around, they are forced to cut back on their movements - and that conservation gave a special kind of gliding beauty to physical movements. He also followed the trials of serial killers (one clerk, for instance, was taking his

A.A. BAKHRUSHIN THEATRE MUSEUM

PARTICULARLY VALUABLE OBJECTS OF CULTURAL HERITAGE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

BAKHRUSHIN STREET 3 1/1 2

TEL. +7(495)953-48-48

WWW.GCTM.RU

The Branches of A. A. Bakhrushin Theatre Museum:

The estate of dramatist A. N. Ostrovsky

The Theatre Salon on Malaya Ordynka

The House- Museum of M. N. Ermolova

The House- Museum of M. S. Shepkin

The Apartment- Museum of Vs. E. Meyerhold

The Apartment - Museum of the actors family M. V. Mironova-A. S. Menaker

The Apartment - Museum of G. S. Ulanova

The Apartment - Museum of V. N. Pluchek

The theatrical painter David Borovsky-Brodsky memorial museum- the creative Studio

